

К 75-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ НАД НАЦИЗМОМ

ОТ АВТОРА «НАСЛЕДНИКА ИЗ КАЛЬКУТТЫ»

Роберт

Штильмарк

КРЫЛАТЫЙ ПЛЕННИК

НАПИСАНО ШЕСТЬДЕСЯТ ЛЕТ НАЗАД

ПУБЛИКУЕТСЯ ВПЕРВЫЕ

Роберт Штильмарк
Крылатый пленник

Издательство "Руда"

1960

Штильмарк Р. А.

Крылатый пленник / Р. А. Штильмарк — Издательство "Руда",
1960

ISBN 978-5-6044143-8-5

Автор знаменитого «Наследника из Калькутты» Роберт Штильмарк даже в произведении, полностью основанном на документальном материале, — истории трёх побегов из немецкого плена советского лётчика — верен себе: книга представляет собой увлекательную приключенческую повесть, полную красочных описаний. Она раскрывает малоизвестные события Великой Отечественной войны и будет одинаково интересна как взрослым, так и юным читателям. Для широкого круга читателей. Художник Наталия Мельгунова.

ISBN 978-5-6044143-8-5

© Штильмарк Р. А., 1960
© Издательство "Руда", 1960

Содержание

Дорога в шесть десятилетий[1]	6
Глава первая	12
1	12
2	15
3	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Роберт Александрович Штильмарк

Крылатый пленник

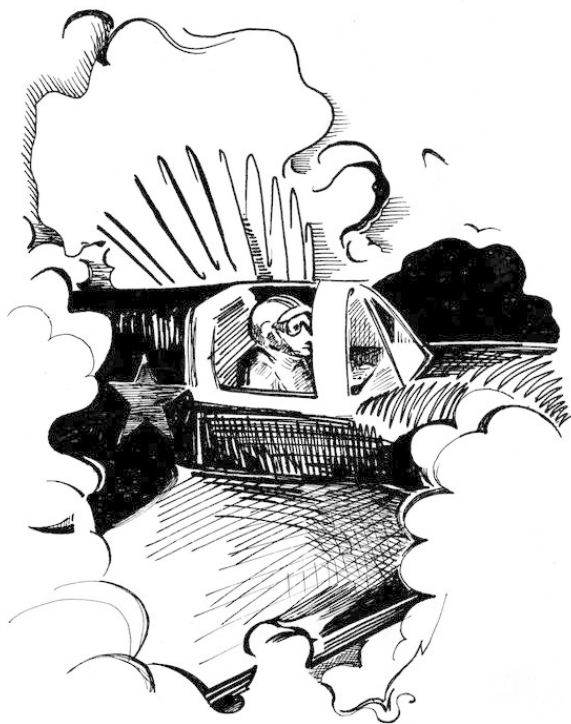
© Издательство «Руда», 2020

© Р. А. Штильмарк, наследники, текст, 2020

© А. Н. Красильников, предисловие, комментарии, 2020

© Н. В. Мельгунова, иллюстрации, 2020

© Н. В. Мельгунова, художественное оформление, макет, 2020

Дорога в шесть десятилетий¹

Эта книга шла к читателю долгих шестьдесят лет.

После блистательного романа «Наследник из Калькутты», восторженно принятого читательской аудиторией от мала до велика, его автор Роберт Штильмарк решил не изменять своему излюбленному жанру и создал в нём ещё два произведения, на сей раз на документальном материале. Но если первое – «Повесть о страннике российском» – обильно сдобрил вымышленными сюжетными линиями и эпизодами, то второе – «Крылатый пленник» – выдержал в строго заданных рамках, обозначенных в подзаголовке: быть о приключениях советского лётчика. «В повести нашей нет ни выдуманных героев, ни выдуманных сцен, ни выдуманных переживаний», – напоминает он читателю в кульминационный момент своего повествования.

В дневнике писателя за 1960 год сохранилась лаконичная запись: «Сдал 202 стр. в „Смену“ в 17 часов 26 мая, как обещал. Хвост с 203 по 214 доставил 30 мая». А буквально через неделю ещё одна: «Странно, что всё это не выдумка, как „Наследник“».

И действительно, абсолютно документальная, скрупулёзно записанная со слов самого героя повесть, которую её создатель образно охарактеризовал так: «Наши строки – кинообъектив и магнитофон, способные фиксировать прошлое», – воспринимается как искусное беллетристическое творение признанного мастера сюжетосложения, истинного сочинителя в самом высоком смысле этого слова. Скажем больше: «Крылатый пленник» завершает своеобразный триптих, демонстрируя способность автора виртуозно выстраивать интригу даже на материале, не допускающем никакой фантазии. Впрочем, у настоящего художника она проявляется порой самым неожиданным образом. Прочтите внимательно эпизод, описывающий последние сутки гитлеровского режима. Вечером 30 апреля возвращается вроде бы уже исчезнувший окончательно лагерный конвой. Потом через город идут разрозненные группы немецких солдат. Жизнь продолжает висеть на волоске, хотя конец многолетнего кошмара неотвратим. Главному герою приходится быть начеку и провести всю ночь на наблюдательном пункте с пистолетом в руке. Казалось бы, простое, почти документальное описание действительности. Но автор, блестяще знавший традиции европейской культуры, тонкими аллегорическими штрихами рисует современную, реалистическую картину Вальпургиевой ночи, когда нечистая сила с сумерками собирается воедино, обретает временную силу, а затем бесславно растворяется с первомайским рассветом. Так и здесь: уже утром освободительные войска вступают в город, неся людям мир и покой.

Увы, с приключенческими произведениями иногда судьба играет злые шутки: они сами становятся субъектами приключений. Роберту Штильмарку уже довелось убедиться в этом на примере «Наследника из Калькутты». Но там его ждал вполне счастливый конец, а «Крылатого пленника» постигла совсем другая участь.

Журнал «Смена», заказавший повесть, печатать её отказался. Тогда писатель обратился в издательство «Молодая гвардия», где к сюжету вроде бы проявили интерес и даже предложили его расширить. Это видно из дневниковой записи от 19 января 1961 года: «Нынче вновь приступаю к „Крылатому пленнику“... надо дать в „Молодую гвардию“ 1-го мая. В их напечатанном издательском плане вещь поставлена на 61-й год». Но буквально через четыре дня горькое добавление: «Позвонил С. Г. Жемайтису в „Молодую гвардию“. Говорит, что план им урезали, заключать договора на несданную работу не могут. Стоит ли и приниматься?»

И рукопись в первоначальном объёме в 214 машинописных страниц отправилась в архив писателя, где пролежала все эти годы. Впрочем, попытки обнародовать её автор предпринимал.

¹ Публикуется в сокращении.

В письме своему лагерному другу Виктору Мироновичу Довбне в июле 1964 года он сетует: «Отнёс „Крылатого пленника“ в „Юность“. Крутят носами».

Здесь следует сделать небольшое пояснение. Журнал «Юность» в то время возглавлял Борис Полевой, по-настоящему прославившийся «Повестью о настоящем человеке», где воспел подвиг советского лётчика Алексея Маресьева. Того самого Маресьева, который в реальной жизни заменил в боевом строю выбывшего из него 8 июня 1943 года главного героя «Крылатого пленника». Снова обратимся к дневнику Роберта Штильмарка: «...сверяю „Повесть о настоящем человеке“ Полевого со Славкиным рассказом. „Повесть“ фактически неточна, оканчивается, но очень хорошо написана и *se non è vero, è ben trovato* (если это не правда, то хорошо придумано)» (8 апреля 1960 года).

Казалось бы, главный редактор «Юности» должен был порадоваться подобному, выражаясь словами Пушкина, «странному сближению» и ухватиться за принесённую рукопись, но, «покрутив носом», он её отклонил.

Трудно сегодня объяснить причину такого неприятия увлекательной были о приключениях советского лётчика литературным истеблишментом, однако любому, жившему в то время, не могут не прийти в голову достаточно простые мысли.

Великая Отечественная война породила собственную мифологию задолго до своего завершения. В соответствии с ней каждый военнопленный считался предателем, поскольку советский человек, тем более офицер и коммунист, не должен живым попадать во вражеские руки: если перед угрозой пленения ты не сумел себя уничтожить, значит, у тебя есть какая-то задняя мысль. Лет двадцать ушло на то, чтобы признать героями таких бесспорных патриотов, как разведчик Рихард Зорге или участники движения Сопротивления во Франции и Италии Василий Порик и Фёдор Полетаев. На рубеже 50–60-х годов, когда создавался «Крылатый пленник», даже они продолжали считаться изменниками. Лишь в 1957 году обрели Золотые Звёзды упомянутые в повести Герои Советского Союза Михаил Девятаев и Гавриил Лепёхин. Первому за дерзкий побег на угнанном самолёте звание присвоили впервые, второму после отбытия десяти лет в исправительно-трудовых лагерях «за пребывание в плену» вернули отнятую в 1946 году награду. А вот побывавшие в неволе генералы Григорий Тхор и Михаил Лукин (также узник Мосбурга) удостоились высшего отличия уже посмертно, в девяностые годы.

Вторая причина – идеологическая установка отображать события прошедшей войны исключительно в двух цветах. Не только кинофильмы, но и произведения других видов искусства, образно говоря, должны были выглядеть чёрно-белыми: враг, разумеется, рисовался непременно в самых тёмных тонах. Это относилось и к офицерам, и к простым солдатам, и к любому гражданину Третьего рейха.

В повести Штильмарка палитра намного богаче. То мелькнёт чернявенький охранник, потихоньку от начальственных глаз бросающий узникам курево, то появятся селяне, открыто приносящие еду советским пленным, то возникает группа женщин, кидающих в окна вагонов с заключёнными свежие фрукты, то некая почтенная дама публично стыдит эсэсовца за издевательство над беззащитным арестантом, то джентльмен во фраке приподнимет свой цилиндр, приветствуя лагерников. Апофеозом – поступок баварской крестьянки Марты, фактически нарушающей заповедь «не лжесвидетельствуй» и тем самым спасающей жизнь главного героя. Не забывайте: всё это запечатлели «кинообъектив и магнитофон».

И уж совсем непривычно выглядит нацистская пенитенциарная система, памятуя о том, какой её у нас представляли. Крылатый пленник с самого начала пребывания в неволе готовится к смерти и уверен, что будет расстрелян. Однако на первом же допросе ему объясняют: «Немецкое военное командование щадит военнопленных». В дальнейшем выясняется, что смерть ждёт лишь того, кто нарушает законы рейха, будь то чужой или даже свой: собственных солдат тоже ставят к стенке за воровство. Даже после второго побега Вячеслава и его товарищей не казнят сразу после поимки, а отправляют в благоустроенную тюрьму, судят и приговаривают

к пожизненному заключению, хоть и в нечеловеческих условиях, но сохраняющих шансы на жизнь. Столь подробного описания различных видов неволи в Третьем рейхе в отечественной литературе прежде не наблюдалось. Но неизбежное использование широкой цветовой гаммы для показа всех её нюансов при категорическом требовании блюстителей коммунистической идеологии мазать всё одной краской делало повесть абсолютно непроходной через рогатки советской цензуры. Осознав эту горькую истину, автор в дальнейшем и не пытался искушать судьбу.

А она оказалась до обидного несправедливой к писателю. Он ушёл из жизни как раз в канун тех перемен, которые ждал, в которые верил и которые, сам того, возможно, не ведая, готовил всем своим творчеством. Роберт Штильмарк скончался осенью 1985 года, успев порадоваться новым общественным веяниям (пишущий эти строки своими ушами слышал от него оптимистические прогнозы на ближайшее будущее за три месяца до смерти), но не успев пожать их плодов. Поживи он ещё года два, «Крылатый пленник» оказался бы в одном ряду с опальными произведениями, заполонившими страницы толстых литературных журналов и вместе с ними разошедшимися миллионными тиражами по всей ещё большой стране. И, может быть, тогда по-иному была бы написана последняя глава: ведь неспроста автор на первой её странице оставил запись: «Это всё до конца подлежит полной переделке». Однако выполнить данное самому себе задание не успел.

Если документальность первых шести глав удивляла даже самого их создателя («Странно, что всё это не выдумка»), то в седьмой его талант сочинителя проявился в полной мере. И это относится не только к вставной новелле об орлёнке, своеобразном камертоне всей повести. История встречи писателя с прототипом своего героя имеет совсем другую подоплёку.

В самом начале главы автор называет себя топографом с большого заполярного строительства. Против истины он не грешит, но главное не договаривает: стройка велась силами заключённых, каковым сам он тогда и был. И знакомство его с Вячеславом Валентеем состоялось при иных обстоятельствах, поскольку тот тоже отбывал десятилетний срок в одном с ним лагере. Осудили его по самой популярной в то время статье 58–10, означавшей ведение анти-советской агитации. В чём она заключалась? Например, в сравнении мозга Ленина с мозгом собаки. Донёс участник товарищеской беседы. Обвиняемый неосторожно поведал своим подчинённым (а служил он командиром авиаэскадрильи «Енисейстрой») утверждение одного учёного, будто бы обилие извилин не единственный показатель высокого интеллекта: оно наблюдается как у гениев типа Ленина, так и у простых людей, а иногда и у высокоразвитых животных. Дело, мол, тут не в количестве, а в качестве. В обвинительном заключении говорилось также о восхвалении подсудимым... шляп американских безработных. Суд счёл преступным и это «деяние».

Конечно, не могло быть и речи о включении в повесть подобных подробностей. И дело не только в абсурдности доказательств мнимой вины абсолютно безгрешного человека. Вся история, будь она воссоздана с такой же документальной скрупулёзностью, что и основной сюжет, невольно наводила бы смышлёного читателя на сравнение советского и нацистского режимов. Вот как изложил историю своего ареста сам Валентей в заявлении генеральному прокурору СССР от 2 августа 1961 года: «...я совершил один необдуманный поступок: когда в штаб эскадрильи явились следственные работники арестовывать меня, то я закрыл их в штабе, а сам направился к начальнику „Енисейстроя“ генералу Панюкову, надеясь на его вмешательство. Панюкова я не застал и пошёл домой, чтобы попрощаться с женой и идти в тюрьму. Дома уже ждали, арестовали и, ко всему, обвинили... в побеге. 21 июля 1950 года спецлагсуд „Енисейстроя“ приговорил меня к 10 годам за антисоветскую агитацию... и за побег, которого я не совершал».

<...> Вот почему повесть завершается диалогом с эмигрантом Морозовым, якобы внуком известной исторической персоны, а высказанное им пророчество относительно судьбы, ждущей возвращенца из плена на родине, в реальной жизни частично сбывается.

Реабилитировали Вячеслава Валентея лишь в предпоследний рабочий день 1961 года. Возможно, причиной отказа в публикации стало как раз отсутствие формальной реабилитации к моменту включения повести в издательские планы. Ведь именно из-за этого нельзя у нас было до горбачёвской перестройки издавать книги о «врагах народа» Бухарине, Рыкове и им подобным.

Но вернёмся к заключительной главе. Как же объясняет автор поворот судьбы своего героя, заставивший сменить любимую профессию: «Летал до 1950 года, потом зрение, правый глаз, ослабло. Перешёл на строительство, теперь вот – инженер», – рассказывает он сам приехавшему в гости московскому писателю (к слову, приезд автора к своему герою весной 1960 года – единственный подлинный эпизод в седьмой главе).

В действительности дело обстояло так: «Я не упал духом, начал работать и учиться заочно в институте... даже в заключении приобрёл специальность, стал инженером и был приглашён начальником строительства п/я 121 (там же, где я отбывал наказание) на должность прораба технологического монтажа завода № 169. За период своей работы имею несколько благодарностей, получил в новом доме квартиру и всей своей сознательной жизнью стараюсь быть полезным своей любимой Родине» (из жалобы в Главную военную прокуратуру СССР).

Остаётся добавить, что после реабилитации Вячеслав Валентей вернулся в авиацию. Переехал в Москву, где они с Робертом Штильмарком продолжили дружбу уже семьями. Вот какими воспоминаниями поделился младший сын писателя Дмитрий:

«Отец называл его Славкой. И в этом не было ни намёка на фамильярность. Так называют друга. самого близкого, самого доверенного, лучшего.

Улыбчивый и обаятельный дядя Слава не производил впечатления человека героического. Ни огромного роста, ни горы натренированных мышц, ни горящих патетическим светом стальных глаз у него не было. Просто жизнь часто ставила его в ситуации, требующие подвига. Не только на войне, но и в мирное время. А характер заставлял брать ответственность на себя и принимать единственно верное, хотя порой сложное и опасное для него решение. Благодаря отваге, таланту и опыту побеждал. Относился, правда, к любым непредвиденным и тяжёлым ситуациям, как к работе и делам обыденным.

Однажды, работая в Подмоскowie, получил задание обработать колхозные поля раствором молибдена. Пока его Ан-2 с полными цистернами грузно взбирался в поднебесье, увидел вдалеке клубы дыма. День был ветреный, погода уже много дней была очень сухой. Решил посмотреть, что случилось, направил машину туда.

В деревне пылал жилой дом. Ветер раздувал огонь, пламя могло перекинуться на соседние строения и спалить всё селение. Пожарных вокруг не было.

„Нужно вылить содержимое цистерн на пожар. Но, если лететь горизонтально, большая часть воды пролетит мимо, а на огонь попадёт её мизерное количество. Вертикальный подъём на Ан-2, с полными цистернами, невозможен: мотор не вытянет. Но самолёт надёжный, крепкий. Если подняться повыше, спикировать на горящий дом, тем самым для разгона прибавить силу притяжения к силе мотора, можно попробовать что-то сделать“. Пока проносились в сознании эти мысли, руки уже поднимали самолёт ввысь.

В деревне народ уже отчаялся. До Оки почти километр, пожарный пруд в засушливое лето до дна вычерпали на полив огородов, и кроме двух глубоких колодцев других источников воды не было. Остановить огонь было нечем. Казалось, гибель деревни неотвратима.

Спасение пришло с Небес. Только в этот раз Господь послал его не с архангелами, а с лётчиком-асом!

Ан-2 скользил по небу к пожару, как санки с зимней горы. Казалось, ещё мгновение, и врежется в объятый огнём деревенский дом, разметет пламя по всей деревне, погубит себя и спалит всю деревню. Но самолёт каким-то чудом вдруг взмыл свечкой над самым пожаром и вылил на него поток воды. Пламя затихло, но совсем не погасло. Повалил густой едкий дым. Лётчик повторил манёвр ещё несколько раз, хотя из-за дыма видимости почти не было. Однако пожар был полностью потушен.

Об этом случае писали в газетах. Сначала в местных, потом повторили в „Правде“. Дядя Слава от вопросов знакомых отмахивался, переводя речь со своего поступка на содержимое цистерн: „Хорошо, что раствор молибдена вёз распылять, а то ядохимикаты могли быть, тогда бы не получилось ничего“. И заговаривал на иную тему.

О другом подвиге Вячеслава Александровича знает моя семья и очень ограниченная группа людей.

Зная любовь моего батюшки к полётам, дядя Слава как-то пригласил его налетаться вволю. Предстоял Валентею квалификационный экзамен. Нужно было по условиям испытания совершить семнадцать взлётов и семнадцать посадок, имитирующих различные ситуации. А экзаменатором оказался близкий друг Вячеслава Александровича. С его разрешения дядя Слава и пригласил отца полетать. И даже разрешил взять с собой двенадцатилетнего сына Альку.

Для профессиональных лётчиков-асов экзамен был простой формальностью, в то время как для любителей полётов событие казалось грандиозным.

В аэропорт Быково прошли через служебный вход. Подошли к стоящему в сторонке Ли-2, открыли его и по спущенной радистом лесенке забрались внутрь. Лётчики запустили двигатели, и промёрзший за ночь самолёт стал согреваться. Все расположились в кабине. Всем вручили наушники, чтобы слышать разговоры внутри машины и переговоры с диспетчером. Началась предполётная проверка систем. Наконец запрос и разрешение диспетчера занять место на взлётной полосе, разрешение на взлёт и... разгон, разбег вдавил людей в кресла, замелькали убегающие назад службы аэропорта, точка принятия решения, и это волшебное ощущение отрыва от земли, когда тело чувствует, что самолёт опирается уже не на шасси, а на крылья! Уходят вниз дорожки, дома, деревья... ветер обратился плотью и на плечах своих поднял самолёт к небу! Велик человеческий гений!

Благодаря компании полёты проходили весело и непринуждённо. Пилоты и гости шутили, рассказывали разные интересные истории. Альке позволили сесть в кресло второго пилота и под контролем двух асов дали почувствовать, как самолёт реагирует на движения штурвала: от себя – в низ, на себя – в верх, направо-налево, как в машине, только крылья наклоняются.

В январе темнеет рано, начались ночные полёты. Одним из испытаний была посадка по приборам. Лётчик должен сажать самолёт вслепую, не видя взлётной полосы. Инструктор задёрнул шторы. Диспетчер разрешил посадку. Светящиеся в темноте приборы показали, что Валентей вывел летящий самолёт на полосу, выпустил шасси и начал снижение. Вдруг он рванул штурвал на себя и дал полный газ. Ли-2 резко взмыл и ушёл в сторону. Альку рассмешили брови инструктора, в удивлении поднятые вверх. А полтора секундами позже в наушниках зазвучал истерический голос диспетчера: „Под вами гигант! Под вами гигант!“ Инструктор откинул шторку. Огромный турбовинтовой Ту-114, взлетая им навстречу, пронёсся под их машиной. Ужасная ошибка диспетчера! Он разрешил посадку ослеплённому лётчику на взлетающий лайнер. Если бы не фантастическая лётная интуиция бывшего истребителя, предупреждение его об опасности пришлось бы как раз на момент столкновения.

Спасибо, дядя Слава, за папу и брата, и за все жизни, которые ты спас!»

Впоследствии Вячеслав Александрович пилотировал многоместный пассажирский самолёт ИЛ-18 – флагман нашей гражданской авиации. До выхода на пенсию работал на дальних авиалиниях. В 1985 году получил свой первый боевой орден – Отечественной войны второй степени. Тогда его давали всем фронтовикам, дожившим до 40-летия Победы. Хотелось, чтобы после выхода повести была восстановлена историческая справедливость и Валентея удостоили бы ещё одной государственной награды. К сожалению, посмертно: его нет с нами уже три десятка лет.

Эта книга шла к читателю дольше полувека. Однако такие рукописи не только не горят, но и не стареют. Уверен, что и сегодня «Крылатый пленник» вызовет неподдельный интерес читательской аудитории всех возрастов, придётся по душе и жаждущему захватывающих сюжетов подростку, и требовательному к правдивости всех деталей ветерану.

Андрей Красильников

Глава первая Ястребок

1

Истребитель пересёк линию фронта на высоте шесть тысяч метров. Небо над козырьком кабины удивительно синее, как южное море утром. Редкие белые облака, вобравшие ночную росу, кажется, запутались в курчавых перелесках и лежат прямо на земле. А сама земля – просто увеличенный макет с топографической карты на планшете. Пожалуй, эта пёстрая полётная карта двухсоттысячного масштаба с её ультрамариновыми речками и красными нитками дорог даже нагляднее: в ней быстрее и легче разберёшься, чем в том увеличенном макете, внизу...

Скорость предельная – за шестьсот километров в час. В кабине, до краёв наполненной солнцем и ритмичным гулом, видна каждая пылинка, каждая нестёртая капелька, дрожащая на стекле приборов.

По краям, у горизонта, небо становится нежно-голубым, и на этом светлом, нежно-голубом горизонте показалась впереди разбитая снарядами железнодорожная станция Нарышкино, что километров тридцать западнее Орла. Значит, заданная глубина захода в тыл противника выдержана. Пора делать разворот и выходить на цель.

Вячеслав клонит ручку и выжимает педаль. Повторяет про себя командирское напутствие перед вылетом:

– Ввязываться в бой запрещаю. Приказ штаба армии – добыть чёткие разведданные об этом главном немецком аэродроме под Орлом. При съёмке держите высоту ровно тысячу, скорость – не более четырёхсот. Провести машину над объектом надо строго горизонтально. Потребуется... выдержка, товарищ лейтенант!

И вот она, оккупированная территория, прифронтовые немецкие тылы. Будто бы даже сама местность, и дома, и поля, и деревья выглядят теперь как-то иначе. Кажется, и зелень поблела, и всё кругом сделалось ниже, притаилось, ушло в себя.

Самолёт развернулся на север. Орёл далеко обойдён, он смутно угадывается справа, в холмистой пойме реки. Теперь до объекта съёмки – аэродрома на восточной окраине – остаётся двадцать километров, менее двух минут полёта. Истребитель пошёл на снижение.

Пять тысяч метров. Три тысячи...

Синее небо с белыми облаками удивительно пустынно и мирно. До сих пор за весь полёт – ни выстрела, ни погони: разведчику удалось подобраться с тыла, незаметно.

Заданный потолок достигнут. Высота полёта – ровно тысяча метров. Аэродром давно виден. Теперь – сбросить газ. Стрелка указателя скорости отошла назад, качнулась на 500 и, вздрагивая, задержалась на 400. Пилот нажимает кнопку. Автоматическая камера включена. Съёмка началась.

Пах-пах-пах... Замелькали грязные шарики разрывов. За рёвом мотора разрывы не слышны. Очнулись все зенитные батареи, и на пути самолёта возникла стена фантастических лохматых спрутов, то мгновенно вскидывающих, то медленно опускающих свои серые щупальца. Пошли вверх и красные нити пуль – заработали крупнокалиберные зенитные пулемёты. Да, выдержка действительно нужна, чтобы «провести машину над объектом строго горизонтально»!

Условия для зенитчиков идеальные – классическая учебная мишень плавно и ровно проходит над лётным полем, будто дразня артиллеристов. Зенитки захлёбываются от усердия, но торопятся и бьют неточно. Мишень движется без поражений.

Всю силу воли напрягает лётчик, чтобы выдержать испытание до конца. Секунда полёта – это сто метров движения сквозь смерть. Они становятся ощутимо длинными, эти секунды-стометровки! По содроганиям и толчкам машины лётчик, будто собственным телом, ощущает все опасные попадания. На двадцатой секунде полёта над целью – удар справа! Это осколок на излёте угодил в плоскость – верно, на металле осталась вмятина. А вот у самой кабины мелькает красный пунктир, и пуля противно чиркает по бронеплите. Бросок... Это снизу самолёт упруго подкинут взрывной волной.

Едкий, кислый дым... Даже дышать трудно. Это машина вошла, через мгновение после разрыва, в самое облачко. Выскочила! Лётчик помнит одно: в ответ пушкам и пулемётам неслышно строчит его фотокамера, и сулит она захватчику-врагу больше неприятностей, чем самый скорострельный пулемёт, если... всё будет так, как надо!

Несмотря на маскировку, лётчик успевает заметить на аэродроме капониры с убранными в них бомбардировщиками. А некоторые самолёты видны даже на лётном поле. Вон – три «Штука», пикирующие бомбардировщики Ю-87, по-нашему «лапотники», прозванные так за неубирающиеся ноги в грубых толстых обтекателях...

Сорок секунд полёта... На восточной стороне аэродрома, куда подходит истребитель, огневая завеса плотнее. Здесь – фронтальные подступы к аэродрому, они прикрыты особенно мощной зенитной системой. Самолёт упрямо идёт среди разрывов, как некогда российский солдат проходил сквозь строй шпицрутен... Разрывы стали бело-розовыми: термитные снаряды. Опять удар в плоскость... Пора выходить из этой игры! Впереди по курсу – пушистое облако, ярко озарённое утренним солнцем. Оно пышно клубится чуть выше горизонта, заданного разведчику. А зенитки ждут, что он вот-вот спикирует на бреющий. Они уже переносят огонь счетверённых пулемётов вперёд и ниже... Лётчик выключает затвор фотокамеры, набирает скорость и крутой горкой врывается в облако.

Опешившие зенитчики, потеряв из виду свою мишень, переносят огонь по облаку. Но уже в следующее мгновение из его клубящейся ваты выныривает самолёт, отвесно пикирует и бреющим полётом уходит в сторону фронта. Только моторный гром ещё раскатывается эхом по чужому аэродрому.

Сердце лётчика поёт и ликует. Стрелки приборов вибрируют в ритме бешеной чечётки. – Выполнил! Выполнил! Выполнил!

Но до своих – ещё не один десяток километров, и лётчик старается утихомирить радость, успокоить взбудораженные нервы. Для лучшей ориентировки он держит теперь высоту двести метров. Под собой, на земле, он различает чёрный силуэтик своего Ла-5, который быстро отдаляется от расплывчатой тени облака. Силуэтик деловито бежит по зелёным полям и перелескам, облаку никак не поспеть за ним.

Курс самолёта совпадает с безлюдной шоссейной дорогой. По её сторонам – редкий лесок. Вдали дорога поворачивает к небольшому селению. Вячеслав пристальнее всматривается в даль за поворотом и замечает там какое-то движение. Вот уж, действительно, на ловца и зверь!

Немецкая пехотная колонна, растянувшись сотни на четыре метров, беспечно марширует по лесной дороге. Уже видны лётчику автомашины с грузами, воинские кухни, мотоциклисты, лошади в упряжках. Две легковые машины. Повзводно шагает пехота. Можно различить, как ритмично мелькают руки солдат с засученными рукавами. Должно быть, под песню маршируют...

Самолёт почти скрыт от колонны за верхушками деревьев, против солнца немцы не могут различить опознавательных знаков и не обращают никакого внимания на одиночный истребитель с запада, тянувшийся весенним вальдшнепом над мелколесьем. И вдруг...

Истребитель развернулся, зашёл колонне в тыл, снизился до десятка метров и... «сыпнул» в упор!

Всё перемешалось, рассыпаясь и разбегаясь. За четыре секунды, пройдясь вдоль всей колонны, лётчик израсходовал половину боекомплекта. Надо бы повторить заход, но...

Запас в бензобаке на десяток минут полёта. А нужно ещё шагнуть через фронт. Вперёд!

Перемахивая через лесистый холмик, пилот бросил мгновенный взгляд туда, где ещё минуту назад бойко маршировала колонна. На сером полотнище шоссе дымились автомашины, валялись в беспорядке мотоциклы, бились лошади. Несколько маленьких фигурок в одинаковых мундирах и весьма разнообразных позах... уже не взмахивали руками в засученных рукавах!

На предельной скорости Вячеслав достиг переднего края. Вот она, изрытая окопами пойма речки Зуши.

Как бурые приводные ремни, сливающиеся в глазах, убежали под самолёт полосы предполья с минными полями и паутиной проволоки. На миг блеснула синь реки, и снова под крылом – ремённые полосы израненной земли.

Самолёт в воздухе около часа. Указатель бензина близок к нулю. Но уже видно поле родного аэродрома, и дымовая пашка зажжена для пилота на безглавой церкви села Панькова.

Лесная прогалина, длинная и узкая, – вот он, полевой аэродром истребительного полка гвардии подполковника Иванова. А вот на поле и сам подполковник со штабными офицерами.

Вячеслав отстегнулся, тяжело выбрался из кабины, подошёл к начальству, пошатываясь, но для доклада вытянулся по-уставному. Не дослушав рапорта, Иванов обнял лейтенанта. Два техника тут же сняли с самолёта фотокамеру. Часу не прошло – к руглая кассета с драгоценной плёнкой уже летела на связном самолёте в штаб воздушной армии.

2

Пилоты всех трёх эскадрилий истребительного полка спали на деревянных нарах в классных помещениях рубленого здания паньковской средней школы. Каждой эскадрилье – своя классная комната. Шутили насчёт «плацкарт» первого класса, второго класса и т. д. – дескать, комендант по благу распределяет!

Паньково – обыкновенное село на Орловщине, в нескольких десятках километров северо-восточнее Новосиля. Невзирая на войну и близость переднего края, паньковская природа добросовестно блюла тургеневские традиции. Вечерами в прудах и болотцах надрывались лягушки, и лётчики даже научились распознавать, что одни вопят: И-р-р-о-д, И-р-р-о-д, И-р-р-о-д, а другие насмешливо хохочут: ке-ке-ке-ке!

Оглушительно благоухала ночами сирень, и раскатывались трелями соловьи. Лётчики ворочались с боку на бок на своих нарах, проклиная лягушек, соловьёв и сирень, а больше всех – неумолимого начальника соседнего медсанбата. Этот бессердечный начальник столь ревниво оберегал вечерний отдых и ночной покой вверенного ему личного состава, что ни медсестра, ни нянечка, ни фельдшерица не смели даже носа показать в расположение соседей-лётчиков. Не помогали ни попытки организовать самодеятельность, ни приглашения на танцы под баян и гитару. Баян изнемогал, гитара млела, а гости не приходили. Их не пускал начальник!

Вячеслав считал себя персонально обиженным суровым главврачом. Фельдшерица Катя, стройная девушка с пепельными локонами, падавшими на узенькие «медицинские» погоны, уже не раз улыбалась ему приветливее, чем прочим соседям-лётчикам, и однажды удостоила его просьбы сорвать ей веточку сирени. Благоклонно приняла она из рук Вячеслава небольшую рошу сирени и отцветающей черёмухи. Под надёжным прикрытием этого могучего букета Вячеслав и Катя посидели на завалинке перед школой, мирно беседуя, вполне уверенные, что их дуэт не просматривается, по военному выражению, из медсанбатских окон. Катя призналась, что, слушая соловьёв, она вспоминает «одного хорошего мальчика» из её родного Курска, а Вячеслав показал карточку, летавшую с ним на приборной доске Ла-5. Карточка изображала жену и годовалую дочку пилота. Увидев карточку, Катя почему-то вздохнула и пошла на дежурство, унося охапку цветов подмышкой, наподобие веников.

Результат роскошного ботанического подарка был неожиданным для Вячеслава: сиренью, расставленной по всему медсанбату в банках от свиной тушёнки, ещё долго наслаждались выздоравливающие, а самой фельдшерице пришлось выдержать пренеприятнейший разговор с начальством. «Скидок на войну не допускаю!» – категорически заявил главврач и пригрозил списанием в другую часть, если встречи и букеты не прекратятся.

Этот финал терзал сердце Вячеслава. Он же вовсе не собирался обмануть Катю, закрутить скоротечный «полевой» роман. Просто он... как-то очень радовался, когда видел Катю, ему не хватало ободряющей Катиной улыбки и милой шутки. И было страшно обидно, что у таких девушек могут встречаться столь чёрствые и жестокие начальники!

...После удачного разведывательного полёта Вячеслава отправили «домой», в школу, с заданием «выспаться с комфортом». Остальные пилоты дежурили у самолётов, спрятанных в капонирах на лесной опушке. Лётчиков не хватало: капитан Числов, командир эскадрильи, улетел в Горький с группой перегонщиков за новыми «Лавочкиными» для полка. Старший лейтенант Запорощенко, подбитый в бою, на посадке врезался в развалину дома и в тяжёлом состоянии лежал в госпитале. Несколько самолётов получили серьёзные повреждения и спешно восстанавливались. Эскадрилью временно принял капитан Почечуев, известный тем, что именно он, первым на новом орловском участке, открыл боевой счёт эскадрильи: сбил «раму» – «Фокке-Вульф-198».

У противника с каждым днём прибавлялось авиации. Фашистские самолёты то и дело штурмовали, бомбили, разведывали наши позиции и тылы. Они ожесточённо атаковали хомутовский аэродром, где базировался полк штурмовой авиации. Чувствовалась подготовка огромной битвы. Лётчики третьей эскадрильи делали в день по три-четыре боевых вылета.

Вячеслав не проспал и двух часов, как с позиции прибежал за ним «технар».

– Быстрей, быстрей, командир, боевая тревога! Капитан не велел тебя будить, я сам... Чтобы ты потом не ругался!

В пустом классе стояла вялая послеобеденная жара, мухи бились между оконным стеклом и плащ-палаткой, повешенной над окном для светомаскировки. Вдали глухо погромыхивало – не то гроза, не то артиллерия.

Истребители получили приказ вылететь на сопровождение полка штурмовиков Ил-2. Они взлетали с хомутовского аэродрома, накануне атакованного и уже восстановленного.

Лесочком Вячеслав добежал до своей машины с цифрой 16 на хвосте, когда уходила в воздух последняя пара. Парашют валялся под сосной – на нём, вместо подушки, видимо, только что спал техник. Быстрее! Парашют уже пристёгнут, брошен в чашку сиденья, поясной ремень охватил талию (плечевых Вячеслав не признавал)... Мотор зарокотал, техник помогает вырлиться на лётное поле. В шлемофоне голос Почечуева:

– Я Верба-три, я Верба-три, шестнадцатый, пристраивайся!

Уже через несколько минут истребители присоединились к Илам, шедшим штурмовать вражеские резервы и технику, укрытую в лесу. Операция Илов была настолько внезапной, что немецкие истребители не смогли помешать штурмовке.

Работу Илов истребители наблюдали сверху, со «второго яруса», и это было потрясающим зрелищем! В несколько минут весь лес был буквально вывернут вверх корнями. Казалось, что и сама земля, вздыбленная бомбами, занялась багровым пламенем. На этом перепаханном пожарище кое-где виднелись расщеплённые, лишённые листвы древесные стволы, взорванные блиндажи, горящие танки, перевёрнутые орудия. Чёрные хлопья копоти летели от кипящей солянки: она чадила и растекалась огненными ручьями.

Отбомбившись, штурмовики методично обработали площадь пожарища пулемётами и пушечным огнём, будто прострочили и простегали ватное одеяло, затем сфотографировали «готовый» объект и повернули назад, в своё Хомутово. Миновали передний край, готовились к посадке. У самолётов сопровождения горячего оставалось в обрез. И тут Вячеслав услышал в шлемофоне взволнованный голос поста наведения:

– Верба-три, Верба-три, я Тереза! За вами – «мессера сто девятые», «рихтгофены», «рихтгофены»...

Воздушная дивизия Рихтгофена, только что переброшенная на орловский плацдарм, была известна воздушным пиратством на многих фронтах. Её асы применяли в воздухе хитрые и коварные приёмы. Сейчас они уверенно гнались за лёгкой добычей: по их расчёту, штурмовики шли на посадку без прикрытия.

– Верба-три, Верба-три, я Почечуев. Приказываю: разворот навстречу «мессерам». Атаковать противника в лоб!

– Верба-три, Верба-три, держитесь, – передавал пост наблюдения. – К вам идут ещё «маленькие», вам идёт помощь... Держитесь!

Штурмовики уже заходили на посадку, когда десятка немецких истребителей Me-109 устремилась на них в атаку. Но не тут-то было! Неожиданно для фашистов шестёрка истребителей Ла-5 ринулась им в лоб.

Уклонившись от этой встречи, фашистская десятка разбилась на звенья. Расчёт их был правильным: восемь «мессеров» должны сковать шестёрку русских, а два аса сожгут и уничтожат садящиеся Илы. Добыча не могла уйти из рук – Илы обречены!

Но произошло нечто непредвиденное для фашистов. Штурмовики набрали скорость и не пошли на посадку. Они образовали небывалый «хоровод», ставши в хвост друг другу на высоте полутора метров над своим полем. И пока это колесо медленно и неторопливо крутилось над аэродромом, стрелки на штурмовиках били по «мессерам» из хвостовых пулемётов, но отогнать их, конечно, не смогли.

Пока четвёрка Ла-5 дралась со «сковывающими» «мессерами», Вячеслав и его ведомый Кудряшов рванулись на помощь Илам, отрезая от них фашистов на боковом курсе. Форсируя мотор, выжимая из машины все силы, Вячеслав зашёл намеченному «мессеру» в хвост, украшенный чёрным крестом, и дал три коротких прицельных очереди.

Очевидно, лётчик был убит наповал, потому что «мессер», не загоревшись, сразу потерял управление и рухнул. Кудряшов обратил в бегство напарника сбитого аса. Остальные «рихтгофены» усилили натиск, и положение шестёрки становилось безнадёжным – горячего оставались литры... Внезапно на огромной скорости из-за облачности вынырнуло ещё штук двенадцать истребителей. Они ворвались в общую кашу боя, и только тогда у Вячеслава отлегло от сердца: он узнал своих! Это были «красноносые индюки» – истребители Як-3 соседнего полка, стоявшего в Студенце. Вся армия знала самолёты этого полка под кличкой «володи». На их фюзеляжах белой краской написаны были слова «За Володю». Они мстили врагу за гибель своего любимца, выдающегося лётчика их полка Володи Микояна, павшего смертью героя.

«Володи» бросились вдогонку за удиравшими без оглядки «рихтгофенами», Илы благополучно сели, истребители Почечуева на последних каплях бензина без потерь вернулись в своё «хозяйство». В этом бою было сбито пять Ме-109, а с нашей стороны убиты штурман и стрелок на Иле, подбит один штурмовик...

Вячеслав ступил на землю и сбросил шлем. Он чувствовал себя, как после марафонского бега. Больно саднило натёртую шею: в бою истребителю приходится так усердно крутить головой, наблюдая за целью и за собственным хвостом, что после двух-трёх вылетов подряд шея стирается до крови, не спасает и шёлковый авиашарфик!

Дрожали ноги, пальцы рук больше не желали сжиматься, было трудно держаться прямо: перенапряжённый, не отдохнувший за много суток организм сопротивлялся воле. Сейчас хотелось только одного – кинуться на милую, присыпанную хвоей землю, полежать неподвижно, ни о чём не думая, хоть час, дать отдых ногам, рукам, спине, глазам, ушам! Даже не просто спать, а лежать, сознавая себя и радуясь своему праву на отдых...

Но мечта мечтой, а дело делом. Осиливая усталость, лётчик помогает технарю и солдатам затащить свой самолёт в укрытие, проверяет расход снарядов... Ого! Маловато осталось! А тем временем выбираются из кустов бензовозы, замаскированные ветками. Сразу начинается заправка. Пахнет бензином, шланги шуршат в траве и... даже не закуришь после боя! Хлопочут у машин оружейники, техники – до отдыха ли?

Потом – разбор операции у командира полка после краткого доклада комэска. Иванов поздравил Вячеслава с нынешней седьмой победой. Недостаток этой успешной операции – эскадрилья вернулась почти без снарядов: такой расход чрезмерен и тактически недопустим.

И только под вечер, в первых сумерках, пилоты третьей эскадрильи смогли растянуться на свежесрубленном ельнике около своих самолётов. Бросив под голову парашют, Вячеслав увидел сквозь чащу ветвей бледную одинокую звёздочку. Он даже улыбнулся ей, этой тихой вечерней звезде, такой одинокой и маленькой на огромном парашютном куполе неба.

– Может, это и есть моя счастливая? – подумалось ему сквозь сон. Деревья приглушённо шептались между собой о своих лесных делах. Лягушата хором воззвали к Ироду и кричали ему «ке-ке-ке», но Вячеслав уже ничего не слышал. Он качался в синей-синей бездне, и ласковые живые звёзды протягивали ему тёплые, сияющие лучи.

3

Утром, у самолётов, подписывались на государственный выигрышный заём. Пилоты ставили в подписном листе одну и ту же цифру: две тысячи рублей. Называлось это «подписаться на бомбовца». Ребята надеялись внести эту сумму сразу, сбивши тяжёлый бомбардировщик. За это, случалось, перепадала двухтысячная премия, и лётчики заранее вносили её в общий фонд победы. Бывший военный комиссар, ныне замполит полка, майор Сидоров, очень довольный результатами подписки, собирал пилотские подписные листы в свою рыжую полевую сумку. В эту минуту с полкового КП взвилась сигнальная ракета.

В воздух пошли четыре истребителя: Вячеслав со своим напарником и ещё два пилота третьей эскадрильи, лейтенанты Авраменко и Симонов. Команда – лететь в заданный квадрат. Лётчики знали карту наизусть и мгновенно развернулись туда. В наушниках слышалась немецкая гортанная картавая речь. Кто-то нервно кричал: «Йак-драй, йак-драй, йак-драй!»² – очевидно, «володи» вели бой где-то рядом.

Группу ведёт Авраменко. Передатчика у Вячеслава нет, только приёмник, немцы работают на близкой волне. Морщась, напрягая слух, лейтенант ловит команду, но слышит в наушниках шлемофона только противника.

Вдруг – отчётливый голос нашего поста наведения:

– Авраменко, Авраменко, идите с «маленькими» вдоль дороги на Плавск... «Штукасы» Ю-87 атакуют нашу автоколонну...

² *Jak-drei* – Як-3, советский самолёт-истребитель, в описываемое время ещё находившийся в стадии разработки и не имевший на вооружении (нем.)

На предельной скорости истребители Авраменко мчатся на выручку. Вся округа дрожит от моторного гула. Вот она, дорога на Плавск. А вон и «гусиный строй» пикирующих бомбардировщиков, «лапотников». Под ними, на пыльной дороге, длинная, уже расстроенная колонна автомашин. Очевидно, какой-то пехотный санбат, ремонтники и снабженцы, нерасчётливо вышедшие до темноты в опасный путь по тракту. Одна машина, вероятно, с ранеными, поднимая пыль, мчится прямо через поле. Остальные брошены водителями у кюветов и посреди полотна. От «гусиного строя» отделяется один пикировщик и с устрашающим воем валит на колонну. Разрыв. Ещё разрыв рядом с удирающим грузовиком, но тот отвернул и продолжает бежать. «Юнкерс» уступает место следующему и «идёт в набор», то есть набирает скорость и высоту.

Расхлёстывая облака, четвёрка советских ястребков бешено врывается в стаю «лапотников». С ходу, для деморализации врага, Авраменко выпускает длинную неприцельную очередь. Расстроив врага, Авраменко делает левый разворот и из ракурса три четверти снова бьёт по «Юнкерсу».

– Ай да Пашка! – ликует Вячеслав. – Ведь поджёг, поджёг стервеца!

Авраменко и Симонов не дают подбитому «лапотнику» оправиться, сбить пламя, уйти. Исполосовав пушечным огнём, они провожают его к земле.

Остальные «Штукасы» потеряли сомкнутый боевой порядок и бегут за линию фронта, беспорядочно отстреливаясь из пулемётов.

Вячеслав увлёкся преследованием одного «Юнкерса» с пёстрым драконом на хвосте, но, спикировав, не смог подобраться для точного выстрела: бортстрелок на «Юнкерсе» бил из крупнокалиберного пулемёта прицельными очередями.

Снова набрав высоту, Вячеслав увидел прямо над собою тяжёлые лапы бомбардировщика в забрызганных грязью обтекателях, чёрный крест на боку и дракона вдоль всего фюзеляжа.

Скорость Ла-5 почти вдвое превосходила «лапотника», и, очутившись у того под самым стабилизатором, истребитель внезапно вынырнул за струёй «Юнкерса», в нескольких метрах от хвоста.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.